
СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 821.161.1-3.09

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»*

Дж.Р. Ибрагимова

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 113093

Статья посвящена анализу особенностей речи императора Николая II в романе А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого». Основная задача статьи — показать, что язык сложного персонажа, одного из главных героев трагического положения России этого времени, — одно из важных средств создания художественного образа, а выбор речевых характеристик героя обусловлен отношением к нему автора произведения.

Ключевые слова: языковой портрет, художественный образ, речевая характеристика, прямая речь, несобственно-авторская речь.

Он — как бежал от этого безверного,
насмешливого, затхлого петербургского мира,
— бежал окунуться в святость и в свой народ.
(А.И. Солженицын «Красное колесо»)

Роман «Август Четырнадцатого» (1971) А.И. Солженицына — первая часть многотомной исторической эпопеи «Красное колесо», которая создавалась на протяжении всей жизни писателя (с момента первоначального замысла в 1936 г. до выхода романа целиком в 1989 г.).

Повествование охватывает десятки мест по России и более сотни персонажей, среди которых как вымышленные герои, так и действительные исторические личности. Будучи исторически достоверным, предельно документальным и в высшей степени реалистичным произведением, роман точно и правдиво рисует предреволюционную эпоху.

* Рец.: проф. Н.Л. Чулкина (РУДН); доц. К.А. Вознесенский (МГИМО (У) МИД России).

В историческом «повествовании в отмеренных сроках» охвачен большой круг реальных политических и военных деятелей, которые изображены с разных сторон: через авторскую, прямую и несобственно-авторскую речь.

Одно из важнейших мест романа занимает царь, который еще в XX в. вызывал неоднозначное отношение у разных слоев населения и сейчас оценивается по-разному. Одни видят в императоре, его поступках и политике причину, приведшую к гибели имперской России и революции; для других Государь остается святым царем-мучеником. В одном из интервью Петра Мультатули, известного российского историка и публициста, прозвучали слова: «Никогда русский народ ни до Николая II, ни после Николая II не жил так вольготно, богато, как в царствование последнего русского царя» [5. С. 55—57].

В романе «Август Четырнадцатого» дан совершенно особенный, по словам М. Геллера, «всесущий» взгляд Солженицына-автора на личность последнего русского царя. Сложный противоречивый образ императора Николая II раскрывается автором с достоверностью и сердечным участием. «Создавая воображаемый мир, художник слова не может быть беспристрастен к этому миру, — пишет И.Р. Гальперин, — он... либо прямо, либо косвенно выражает свое отношение к изображаемому» [1. С. 123].

Это отношение определяется выбором языка, выступающего в качестве средства характеристики персонажа. «Чем индивидуальнее художественный язык, тем более места занимает авторская рефлексия, направленная на язык и включенная в его же структуру» [4], — пишет Ю.М. Лотман.

В задачу Солженицына, по словам Ю.М. Кублановского, входило «не только «истолковать», но и впервые н а п и с а т ь (разрядка авторская) нашу новейшую историю, тщательно скрываемую, глубоко погребенную большевизмом» [3. С. 11]. Отсюда «страсть к подлинности, реальности, точности описания» [2. С. 12].

В «Августе Четырнадцатого» в обзорных главах, посвященных императору, автор описывает жизнь царя Николая II сквозь призму его собственных чувств и размышлений начиная с детских лет и до начала войны 1914-го г. Император — сложный, противоречивый человек, показанный Солженицыным с большим пониманием и сочувствием. «Любовнодружественная» душа Государя измучена несвоевременно легшим на него бременем: «Быть русским царем? — непереносимо трудно!» [8. С. 320], — первые мысли Николая после смерти отца.

«Груз обязанностей», «испытание, непосильное, нежеланное», «неотвратимое налегшее бремя» — вот как видит царь свое правление. Но сила и крепость духа не позволяли Николаю показать свои внутренние переживания и тревоги: «...достоинство монарха обязывало не показать своего смятения наружу — для всех оставаясь всегда спокойным, даже равнодушным...» [8. С. 365]. Государь считал своим высшим достоинством «скрывать унижение и горе за полной невозмутимостью» [8. С. 355].

У Солженицына образ Николая II не лишен объективизма. Автор показывает, как страдания царя, вызванные отсутствием решимости, «душевного жара», не позволявшими государю проявлять твердость в управлении государством. «Слабый, и сам несчастный своей слабостью» Государь нуждался в неуклонности в принятии решений, которой ему не хватало: «Он жаждал бы проявлять движения власт-

ные и беспрекословные — но не рождались» [8. С. 330]. Впоследствии это сыграло решающую, роковую роль в истории имперской России: слабость сопротивления была разрушительней для страны, чем сила взрыва революции. В «Размышлениях о февральской революции» Солженицын пишет, что физически трон был силен, а образ царя крепко держался в народном сознании. Поддержка со стороны армии и народа была безусловна, но рядом не было верных, преданных стране и Государю людей: «Сколько было у него министров, генералов, великих князей, статс-секретарей — а решать он всегда обречен был сам... Вот кого не хватало ему сейчас, сию минуту здесь — Столыпина!» [8. С. 407].

Солженицын показывает, что поведение царя было продиктовано его христианским мировосприятием и нравственными границами, через которые не мог перешагнуть монарх. Солженицын подчеркивает, что государь обладал даром миролюбия, «очень славного для христианина, но пагубного для правителя великой державы». А мог ли он поступить иначе? «Господи, как больно и тяжело!.. Молился и плакал. О Господи, почему ты не даешь помощи? Что же — надо было делать?» [8. С. 370], — спрашивает себя царь после событий «кровавого воскресенья» 1905-го г. Страх перед возможной гражданской войной толкнул царя в 1917-м г. на подвиг самоотвержения во благо своей страны и ее народа: «Государь никогда не мог себе простить того злосчастного кровопролития. Больше всего теперь он опасался применить военную силу против своего народа прежде и больше нужды» [9. С. 591—634].

Политика воспринимается Николаем II с позиций нравственности, поэтому непрекращающиеся душевные терзания императора — не только попытка объяснить происходящее, но и средство, использованное Солженицыным для показа глубины переживаний царя. «По-христиански нельзя делать другому... чего не хочешь себе. А практическая политика заставляет — делать...» [8. С. 337]. В этих словах и покорность Государя Богу, и неизбежность нести тяжелую ношу обязанностей монарха-политика, старавшегося любой конфликт «уладить по-мирному», «уладить по-отечески». То, что на первый взгляд кажется нам проявлением слабости и сомнения, в действительности скрывает силу всеобъемлющей, всепрощающей любви, искренней надежды и веры в Бога.

Солженицын намеренно сгущает употребление в речи царя слов «сердце», «душа» и производных от них: чаще всего они встречаются в его внутренних монологах. Автор хочет показать человечность, гуманность и глубокую религиозность Николая II. На протяжении одной главы слова «сердце» и «душа» употреблены более 15-ти раз: «А если подойти ко всему с хорошим *сердцем* (здесь и далее в цитатах пояснения и курсив автора. — И.Д.) — так это все может быть одно недоразумение. Надо в одном сердце совместить и Германию и Францию...»; «...Николай ехал со стесненным *сердцем*...»; «...его (Вильгельма) настойчивые, горячие советы иногда добивались до самого *сердца*»; «Болело его *сердце*, что он не разделяет тяжкого дальнего жребия своей армии...»; «И снова воздвигалась гора на плечах, на *сердце*, — неминуемая, необходимая»; «...и *сердце* его занывало, стеснялось...»; «...Николай гулял по снежным аллеям — со сжатым *сердцем*, как съезженный...»; «Разделяется истина в противоборстве держав, разделяется истина в спорах советников — и только терзается *душа*»; «...так нуждалась *душа* по-

делиться с близким»; «Всего этого просто выдержать не могла душа»; «В эти горькие дни чего более всего не хватало душевно — это общения с гвардией... как приятно было их видеть, освежалась душа» и др.

Главная любовь, «из самых больших радостей, доступных человеку», и утешение для Государя — это семья. «Только в семейной обстановке и может найти успокоение душа человека», — говорит Николай. Сама Россия мыслилась Государю как одно целое с ним, огромная страна-семья, в которой «царь и народ должны быть едины» [8. С. 371].

Даже объявление Германии о начале войны Николай видит как личную трагедию, сравнивая ее с разрушением семьи. Чувство долга и ответственности за огромную семью, где центральное место для императора занимал народ, говорит императору «более всего как зеницу хранить — русскую крестьянскую общину» [8. С. 339], но «министры забором стояли между ним и народом» [8. С. 342]. При этом образ царя неизменно твердо стоял в понятии крестьянской России, а царь чувствовал веру и поддержку своего народа.

Показывая полноту слиянности Государя с родной землей, Солженицын вписывает Николая в русскую природу: «Человек с чувствительной душой не может не впечатляться ежедневным ходом природы через всех нас» [8. С. 301], — говорит Солженицын-автор.

Чуткость, любовь императора к природе показана через пейзаж, упоминание времени суток или погоды. Природа сопереживает, живет в унисон с происходящим в душе Государя. Начало забастовок озаменовано «сквернейшей» погодой, после издания Манифеста наступает «солнечное, радостное утро — хорошее предзнаменование». Описание каждого нового дня открывается краткой, а иногда и развернутой картиной природы: «А весна стояла — дивная, великолепная!», «Лето было жаркое, со многими эффектными грозами». Поэтично и полно романтики восприятие императором погоды, окружающего его пейзажа. Море Николай метафорично называет «водяной скатертью», Ливадийский дворец для него — «подобие Божьего рая».

Чтобы придать большую значимость образу Николая II, Солженицын прибегает к несобственно-авторской речи — приему, с помощью которого он соединяет свою точку зрения на волнующие его вопросы с речью царя. При этом авторская речь остается максимально приближенной к речи персонажа. Так, после подписания манифеста 17 октября 1905-го г., согласно которому император фактически узаконил первую российскую конституцию, существенно ограничивавшую его власть, Николай II размышляет о значении самодержавия, сомневаясь в его прежнем значении и силе. Внутренний монолог царя завершается предложением, выделенным красной строкой — именно в нем различим голос автора: «В высшем смысле оно (самодержавие) не могло поколебаться, без него нет России» [8. С. 392]. Выражением авторской точки зрения служит и анафорическое начало 3-х абзацев, где Солженицын размышляет об ответственности монарха за страну: «Трудность управлять — это трудность применить свою голову не к одному послушному телу... и не только к своей семье... но осенить собою пространство, ни-

как не свойственное отдельному человеку», «Трудность управлять — это и не-носная трудность обращаться к управляемым», «Трудность управлять — это мучительная трудность принять правильное решение и трудность выбрать верных людей...» [8. С. 341]. Здесь автор как будто сливается с царем, разделяя его тягостные раздумья и нелегкую судьбу, через язык персонажа выражая свое видение и оценку роли самодержца.

В романе приводятся слова из манифеста: «„Благо российского Государя неразрывно связано с благом народным, и печаль народная — Его печаль“. Это было именно так, как Николай истинно понимал и постоянно хотел бы выражать, да не было умелых посредников» [8. С. 389]. Даже в манифесте об отречении 2-го марта 1917-го г., понимая, какая участь ждет императорскую семью, царь открыто заявляет: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и спасения родимой матушки России». Не случайно в 2000-м г. все члены царской семьи были канонизированы и провозглашены страстотерпцами: «В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия» [7].

При всей слабости и нерешительности, сомнениях и раздумьях, постоянно стоявших на пути к принятию важных решений, Государь нашел в себе силы «превозмогнуть слабую человеческую природу и умереть с именем Христа на устах», — разъясняет протоиерей Георгий Митрофанов [7], член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. В этом и заключается драма страстотерпчества, «непротивления смерти».

«Умиленное благодарение Богу за его милости», — постоянно живущее чувство в душе Государя. Так, в день выздоровления своего сына, царевича Алексея, император дарует прощение замешанным в покушении на Столыпина и приказывает прекратить следствие: «Да ведь Государь прощал и за себя: ведь и его самого могли убить... А он — прощал» [8. С. 303].

Христианское благочестие, глубокая религиозность показана автором «Красного колеса» на уровне словоупотребления — слова «Бог», «Господь», «душа», «милость», «благо» и производные от них в речи Николая II в романе Солженицына самые частотные по использованию. «Божьей помощью», «Божьей волей», «милостью Божьей» называет автор события жизни царя.

Восклицания, риторические вопросы и обращения к Богу характеризуют в романе речь Николая II в моменты радости и огорчений. Приведем несколько примеров: «Как велик и сложен *Божий* мир»; «А направить может только *Господь*», «...за что наслал *Бог* это несчастье?»; «Благослови *Бог* манифест и указ, пошли, *Господи*, успеха и рескрипту»; «Пошли *Бог* силы трудиться и спокойствия духа»; «...никто не мог помочь ему советом, а голос *Господа* не слышен был явно».

Нельзя, конечно, не заметить, что Солженицын писал роман в то время, когда Россия и сам автор уже пережили революции, события 37-го г. и другие события XX в., которые делают его оценки еще осознаннее. Солженицын, умудренный опытом послереволюционных событий России, старается подчеркнуть миролюбие и терпение, которых не хватало в обществе в годы правления Николая II. Но автор видит их в душе Государя и передает их через царя. Автор глубоко сочувствует

трагедии императора, для которого кротость, любовь, доброта, прощение, вера, будучи основой семейной жизни, служили главными ориентирами и в политике. «Милосердный Бог должен был помочь, Николай чувствовал в себе Его поддержку, и это не давало упасть духом» [8. С. 392], — и действительно, Государь пронес свой венец с честью, не упав духом и не изменив ни себе, ни России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- [2] *Геллер М.Я.* Александр Солженицын: писатель на все времена // «Русская мысль». — № 3361. — Париж, 1961.
- [3] *Кублановский Ю.М.* «Август Четырнадцатого» Александра Солженицына. У истоков стиля // «Русская мысль». — № 3487. — Париж, 1983.
- [4] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1999.
- [5] *Маёрова К.В.* Заметки о языке и стиле А.И. Солженицына «Красное колесо» // Литературное обозрение. — 1999. — № 1.
- [6] *Мультатули П.В.* Император Николай II: правда против лжи // Рузский курьер/Слово 2010 (интернет-версия газеты).
- [7] Пресс-служба Московской епархии. Разъяснение о канонизации царской семьи // Русский Вестник. — 2003.
- [8] *Солженицын А.С.* Собрание сочинений в 30 т. Красное колесо. Узел 1. Август Четырнадцатого. — М.: Время, 2007 (здесь и далее цитируются страницы из 74-й главы первого Узла).
- [9] *Солженицын А.С.* Размышление над февральской революцией // Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. — Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 1999. — С. 591—634.

THE LANGUAGE PORTRAIT OF THE EMPEROR NICHOLAS II IN THE NOVEL «AUGUST 1914» BY ALEXANDRE SOLZHENITSYN

D.R. Ibragimova

Russian Language and Intercultural Communication Department
Faculty of Social Sciences and Humanities
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the particularities of the emperor Nicholas II discours in the historical novel «August 1914» by Alexandre Solzhenitsyn. The main objective of the article is to show that the peculiar language makes a significant part in creating the characters' personality. The choice of lexical and stylistic means of language is determined by the writer's attitude towards the characters.

Key words: language portrait, word picture, speech, speech feature, free-indirect speech.

REFERENCES

- [1] *Galperin I.R.* Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M.: Knizhny dom «LIBROKOM», 2009.
- [2] *Geller M.Ya.* Aleksandre Solzhenitsyn: pisatel na vse vremena // «Russkaya mysl» № 3361. — Parizh, 1961.
- [3] *Kublanovskiy Yu.M.* «Avgust Chetyrnadtsatogo» Aleksandra Solzhenitsyna. U istokov stilya // «Russkaya mysl» № 3487. — Parizh, 1983.
- [4] *Lotman Yu.M.* Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya. — M.: Yazyki russkoy kultury, 1999.
- [5] *Mayerova K.V.* Zametki o yazyke i stile A.I. Solzhenitsyna «Krasnoe koleso» // Literaturnoye obozreniye, 1999. — № 1.
- [6] *Multatuli P.V.* Imperator Nikolay II: pravda protiv lzhi // Slovo//Ruzskiy kuryer/2010 (internet-versiya).
- [7] *Press-sluzhba Moskovskoy eparhii* Razyasnenie o kanonizatsii tsarskoy semi // Russkiy Vestnik 2003.
- [8] *Solzhenitsyn A.S.* Sobraniye sochineniy v 30-ti tomakh. Krasnoe koleso. Uzel 1. Avgust Chetyrnadcatogo. — M.: Vremya, 2007 (zdes i daleye tsitiruyutsya stranitsy iz 74-y glavy Uzla 1).
- [9] *Solzhenitsyn A.S.* Razmyshleniya nad fevralskoy revolutsiey // Lenin v Tsurikhe. Rasskazy. Krokhutki. Publitsystika. — Ekaterinburg: Izd-vo U-Faktoriya, 1999. — S. 591—634.